

К читателям!

Написание моей книги о религии затянулось. Работа огромная. Но наряду с этим я продолжу публиковать небольшие зарисовки о том, что меня удивляет не меньше, чем вера. А удивляет и даже поражает многое.

Я стараюсь поддерживать связь со своими школьными друзьями, сокурсниками по институту, ближними и дальними родственниками. При этом не мог не обратить внимание на то, что если я не проявлю инициативу, то никому не придет в голову делать это в обратную сторону. Может, это культура такая, особо духовная?

Вот вижу: российская духовность растянулась на километры, чтобы припасть к мощам. Побросали люди свои семьи, отпуска отменили, больные и здоровые, на костылях и гордо стоящие, молодые и старые прибыли к мощам. Дурман тучей накрыл Москву. Если бы я был художником, то эту картину назвал бы «Москва в бреду».

Провинция всегда отличалась от Москвы. Там люди попроще, житейский смысл приковал их ближе к земле. Размышляют они не толпой, а по одному. Но я был поражен, что обвал случился и здесь. Мне кажется нижеприведенный диалог является очевидным примером сказанного.

Колян... и Ньютон

Звоню старой своей знакомой Татьяне, с которой поддерживаю контакт десятки лет. Трубку берет ее муж, Колян, бывший художник (в советское время), потом ремесленник всех мастей (в капиталистическое), теперь пенсионер (в нынешнее олигархическое).

- Колян, привет, Таню позови.
- Нет ее. Она к Светке пошла, с пацаном (внуком) посидеть. (Светка их дочь.)
- А что так? Вроде она только по воскресеньям к ним ходит.
- Да ей в больницу надо, чё-то с почками.
- Колян, она же молодая деваха, что так часто болеет?
- Да, слабая она с детства.
- Вот говорил же я вам, что спортом надо было ее заставлять заниматься. Теперь расплачивается.

Я знаю эту семью с детства и меня удивляло всегда, что они не уделяли внимания здоровью дочери. Наоборот, все время оберегали ее от всяческих физических занятий.

– Да, как же спортом, если она слабенькая была. В голосе Коляна было искреннее удивление над моей несообразительностью.

– Так она и была слабенькая, потому что ничем не занималась. Тем более в Астрахани, где климат один из самых ужасных в России.

Я не подозревал, на какую опасную тропу вступил.

– А чё ты решил, что ужасный? Вроде нормальный.

– Ну как же нормальный? Под плюс 50 летом, это – нормальный? Под минус 20 зимой, да с ветрами? Это нормально?

– Да, вроде, ничё.

Его «ничё» действительно является «ничё». Однажды после пяти лет проживания вне Астрахани, я приехал к своим родителям. Они жили у старого кладбища. У их дома была остановка вагона (так астраханцы называли трамвай) и вдобавок рядом проходила железная дорога. Я не мог есть (вся пища мне казалась в пыли); не мог спать от грохота товарных поездов и скрежета под окном останавливающегося вагона; я был весь «побит» комарами, которые полчищами роились в затопленном подвале дома. Днем же чуть ли не через каждый час шла похоронная процессия с соответствующей музыкой. Я спросил отца, как они выдерживают этот кошмар? Он в ответ: а чё такое? Говорю: так шум со всех сторон, как на войне, комары, грязь. Отец, провоевавший от звонка до звонка, ответил: «Ты шума настоящего не знаешь. У нас разве шум, шумок». Но это же на войне! А тут мирная жизнь в XX веке! И это «ничё» перекочевало в XXI век, став нормой и для Коляна. Тут я решил его просветить.

– А ты знаешь, что Астрахань во время царизма был ссыльным городом?

– Нее...

– Ты что, не знаешь, что туда, то есть в Астрахань, ссылали Шевченко, Чернышевского?

– Нее, не знал. Дэк, это же давно было!

– Но и во время советской власти город этот статус сохранил. Знаешь, что к вам жен врагов народа ссылали?

– Ко мне? – удивился Колян.

– Да не к тебе лично, в Астрахань.

– Ну и правильно, они же враги народа.

Честно, я не ожидал, что он поддержит сталинскую политику. Но боясь уйти в сторону от темы, я ему опять:

– Правильно-то правильно. Но я тебе говорю о том, что из-за климата Астрахань была ссыльным городом. Думаю, что и сейчас он остался ссыльным. А суть в том, что из-за этого люди и болеют чаще, чем в других городах.

– Ну что-то я этого не замечал, засомневался Колян.

– Ну хорошо, – не унимался я, – а знаешь, что СПЖ в Астрахани ниже, чем по России?

– А чё такое СПЖ? (Я как-то не подумал, что этот термин народ не употребляет.)

– СПЖ – это средняя продолжительность жизни. Она в Астрахани ниже 70 лет. – Да чушь это, встрепенулся Колян, сообразив, что сейчас он меня опрокинет фактами, продолжил. – У меня знакомая старушка, ей около 80. И деда одного знаю, ему даже больше 80.

По его торжествующему голосу я понял, что эти факты достаточны, чтобы я заткнулся со своим СПЖ. Но я не унимался.

– Колян, я тебе говорю о среднестатистической цифре СПЖ.

– Ну, это как посмотреть, не сдавался и он.

– В каком смысле?

– Ну мне вот уже 71!

Я понял, что абстракции здесь не пройдут. Вспомнил, как одна журналистка из местной газеты «Волга» во время моей лекции, в которой была затронута тема рождаемости, с вызовом опровергла меня словами: «Ерунду вы несете тов. лектор. Одна моя знакомая, Тося, уже второго понесла, а Катька тоже на сносях». Возразить мне было нечего. Я сдался. Решил сменить тему.

– Ладно. Мы же о дочери твоей говорили. Слушай, вот у тебя внук маленький. Мне кажется, его надо так воспитать, чтобы хоть он, когда подрастет, уехал бы из Астрахани. Все-таки и климат, да и вообще город не очень интеллектуальный.

– Я тут же почувствовал, что со словом «интеллектуальный» я промахнулся.

– Слушай, дай я сейчас радиоточку выключу, а то говорить мешает.

Мы говорили с ним по телефону, поскольку компьютера у него нет, значит, и по Скайпу не поговоришь, и друг друга не увидишь. А что касается радио, то у него политическая позиция. Он мне еще давно объяснил, что по телевизору вещают пропаганду, а по радио нет. Слушает он только местное радио.

– Да, чё там про интеллект-то? Ты чё имеешь в виду?

– Имею в виду, что умных не так много. Развиваться в ваших условиях невозможно.

– Ну, тут я с тобой не соглашусь.

Я понял, что и в этом вопросе он не промахнется. Голос его затвердел и почти в снисходительной манере он начал меня просвещать.

– Вон у меня знакомые татары. Ты знаешь, они помидоры сажают. И знаешь,

вот в прошлом году они весь урожай в Саратов, кажись, увезли. Там продали. И ты представляешь, машину купили. А ты говоришь умных нет. Ты врубись!

– Колян, не пойму, а что здесь умного? – Я действительно не «врубился».

– Дэк, попробуй, посади помидоров. Это же целое искусство.

Я продолжал не «врубаться».

– Ты смеешься, что ли? Я много раз сажал. Что там такого интеллектуально сложного?

На самом деле я не сажал, но видел много раз, как сажают и даже помогал жене в качестве грузчика в этом деле, когда она решила посадить помидоры в нашем саду.

– И чё, продавал?

– Не продавал, а сажал, – не унимался я.

– Но вот видишь, а говоришь умный?

Я понял, что в очередной раз он меня «сделал», поскольку не сообразил, что ум как-то связан с торговлей. Хотя, если по большому счету, боюсь, Колян прав. Но я решил подойти к нему с другой стороны.

– Ладно, все равно мальчику, как вырастет, надо уезжать из Астрахани. Хотя бы в Москву для начала.

– А чё там делать?

– Как «чё»? – Я потихонечку начал вскипать. – Учиться-учиться и учиться, законы открывать.

– Законы? – недоуменно спросил Колян. А зачем их открывать? (Такой вопрос я услышал впервые.)

– Ну как зачем, – бодро начал я. Чтобы прогресс был, в космос летать, на машинах ездить.

– А причем здесь машины? – хладнокровно спросил Колян.

– Ну как же, вот не открыл бы Ньютон законы трения, или всемирного тяготения и машин бы не было.

– И не надо. Я же живу без машин.

Возразить мне было нечего. Он жил не только без машин, но и без любого транспорта, поскольку повсюду ходил и ходит только пешком. Игнорировал даже «вагоны», когда они еще были в Астрахани.

– Ну ладно, без машин ты обходишься. Но закон-то тяготения все равно работает.

– А чё это за закон такой?

Я подумал, что объяснять формулу Ньютона бессмысленно и решил привести просто очевидный пример.

– Ну вот, ты же не сможешь высоко прыгнуть, поскольку тебе не дает это сделать закон всемирного тяготения, который как раз и открыл Ньютон.

– А я и не собираюсь высоко прыгать.

Его ответ оказался для меня неожиданным. И тут же напомнил мне платоновских героев.

– Ну не обязательно ты, я в принципе говорю.

– И я в принципе говорю, – не сдавался Колян. Ни один мой знакомый не собирается высоко прыгать. Это только на соревнованиях прыгают.

– Ну хорошо, на самолете ты летал? Чтобы самолеты летали, вначале открываются фундаментальные законы, среди которых есть и закон Ньютона. И только потом ученые начинают на их основе создавать что-то конкретное, например, те же самолеты. Ты же летал на самолете?

– Чё-то не помню, что летал.

– Ну как же не летал? Ты же в Москву прилетал к нам на самолете.

– Нее... я на поезде приезжал.

– Какая разница? Тоже техника.

– Как какая? Самолет это не поезд! (В его голосе я вновь почувствовал решительность. И дальше спокойнее и с какой-то рассудительностью он продолжил.) Я вообще сомневаюсь, что Ньютон прав. Все относительно. Я вообще без законов живу и не жалуясь. Зачем они мне?

Действительно, подумал я, зачем они ему нужны. Человечество жило миллиона три без законов Ньютона и ничего – выжило. Я кого не спрашивал, кто открыл Первый и Второй законы термодинамики, и никто мне не ответил, а большинство о них даже и не слышало. И живут себе спокойно без этих и всех остальных законов. «Царству природных невзрачных людей», выражаясь словами платоновского Дванова, они вообще ни к чему. Да, я отвлекся.

– Я не о тебе. А твоём внуке. Черт с ними, с этими законами. Ну неужели ты не понимаешь, что Астрахань – ужасный город. Я объездил всю Россию и ужаснее не встречал.

– Ну не скажи. (Мне показалось, что он за город обиделся.) – Смотри как набережную отстроили... Канфэтка, – проговорил он на кавказский манер. – Он имел в виду Набережную Волги, которая действительно выглядит неплохо.

– Хорошо, канфэтка. Но ты посмотри на мою улицу, где я когда-то жил¹.

¹ Это – ул. Плещеева. (<http://astrahanfoto.livejournal.com/55019.html>).

Напоминает поле боя во время войны. А это в 15 минутах пешком от центра. Уже лет двадцать пытаются восстановить и все как после бомбежки.

Пример с моей улицей Коляна не смутил.

– А ты туда не ходи.

На другие аналогичные улицы ссылаться было бессмысленно. Ответ у него был наготове.

– Колян, ты вообще-то в других городах бывал?

– Ну бывал. Вот в Москве был. Не понравилось. Народу до фига.

– А кроме Москвы?

– В Харабалах был раз и тоже ничего. (Харабали – городок в Астраханской области, напоминающий смесь деревни и поселка.) – Нее, – подытожил Колян тему, – все относительно.

Колян ни в каких заграничах не бывал и дальше Астрахани практически никуда не выезжал. Но я уверен, что даже если бы и выезжал, он своего мнения не изменил бы. Я помню, как одна женщина из городка Климовска (Моск. обл.), побывавшая в Лондоне, все время говорила, что парк у них в Климовске ничуть не хуже Гайд-Парка, а один хохол в бытность еще Советского Союза во время туристической поездки по Токио, проезжая по улицам Гиндзы, все время повторял: «А Хрещятик усе равно краше». Уверен, что Колян такой же патриот русских трущоб. Я уже понял, что взаимопонимания у нас не получится, поэтому решил перейти на нейтральную тему.

– Ну ладно, а что делаешь на пенсии?

– Да вот на воблёжку ходил.

– И как?

– Да никак, ловить негде?

– Не понял, в каком смысле? Рек что ли мало?

– Да не в этом дело. Эти сволочи москвичи и ленинградцы огородили участки у реки, где раньше хорошо ловилось. Теперь у них частная собственность. Туда не пускают. Приходится рыбалить там, где воблёжка не фартовая. С ладошку. Вот это проблема!

– Слушай, Колян, вот недавно по телеку смотрел, как корреспондент москвичей расспрашивал, что они понимают под словом счастье. Ты как думаешь, что для тебя счастье? – Ответ прозвучал мгновенно.

– А тут и думать не надо: счастье, когда кукан полный, и чтоб ловить можно было, как при советской власти.

– Ну ты, Колян, мудрец. Желаю тебе полного кукана.

– Спасибо тогда. Танька придет, скажу, что ты звонил.

* * *

В этом диалоге я ничего не выдумал. Убрал только ненормативную лексику. Хочу подчеркнуть, что друзья Коляна и подруги его жены, Таньки, которой тоже глубоко за 60, точно такие же. Для меня оказалось в свое время потрясением, когда я встретился со своими одноклассниками, многие из которых закончили школу с медалями и получили высшее образование. По своему устрою они были на уровне Коляна, только не столь колоритными. Массовость такого думостроя постоянно подтверждает и ФБ. Предполагаю, что такие коляны и таньки составляют если не половину, то близко к половине населения России.

При этом я не хочу сказать, что они плохие люди. По крайней мере тех, кого я знаю лично, доброжелательны, не злоблывы, не воры, не мошенники. Живут без ущерба другим. И они по своему мудры: не знают законов, но знают жизнь. Они точно такие, как и обыватели всех стран и времен, начиная со времен древнего Египта, Ассирии и Вавилона. У них нет противоречий с властью, нет противоречий и с природой. Они и есть природа. Сами по себе они, как и природа, не делают прогресса. Он им и не нужен. Им все равно: феодализм, капитализм, социализм. Конечно, кое-какая национальная специфика среди обывателей разных стран существует. Для русского: если есть что выпить и закусон, тогда все «нищтяк»! Ну а если еще и полный кукан, тогда совсем рай.

Олег Арин

25.05.2017